

Сегодня на съёмочную площадку прибыла Цзин Ин. Звезда первой величины — и этим всё сказано: масштаб и пафос её появления впечатляли.

— Цзяо-цзяо! — Фан Жуй приветливо замахала рукой, заметив Цзи Яо.

Фу Яну деваться было некуда. Даже когда его собственных сцен в графике не значилось, он тенью следовал за Цзи Яньсином, опасаясь, как бы тот чего не натворил. Подступив ближе, он негромко пояснил:

— Это Фан Жуй, бывшая коллега Цзяо-цзяо по агентству. Славная девчонка, беззлобная.

Свою тоску Фу Ян держал при себе. Когда режиссёр Чжоу удивлённо спросил, какого чёрта он забыл на площадке в свой выходной, парню пришлось, наступив на горло собственной гордости, промямлить что-то об «учёбе и перенятии опыта». Чжоу Чжэнцзун в ответ лишь многозначительно похлопал его по плечу: мол, похвальное рвение, далеко пойдёшь, юноша.

"Ага, разбежался, — мысленно ворчал Фу Ян. — Словно мне спать надоело или в приставку играть скучно. Стану я тут добровольно торчать ради вашей "учёбы"!"

Цзи Яньсин, увлечённо изучавший что-то в телефоне, оторвал взгляд от экрана и сдержанно махнул Фан Жуй в ответ, обозначая вежливое приветствие.

Пролистав сценарий на несколько глав вперёд, он наконец отыскал разгадку того, почему имя Фу Яна бесследно исчезло из летописей Государства Ци. Он погиб.

Цзи Яо наверняка знал об этом, просто предпочёл промолчать, понимая, что правда рано или поздно вскрыется. Цзи Яньсин крепче сжал смартфон. Его кольнуло острой иглой раскаяния: что же он натворил в прошлом? Если бы история пошла по первоначальному руслу... каково пришлось бы Великому родоначальнику Ци? Одиночество и вечная скорбь до конца дней своих.

К какому-то нелепому счастью, судьба подарила ему шанс всё исправить — благодаря Цзи Яо. Теперь малый генерал Фу жив-здоров, бодр и всюю усложняет жизнь новоявленному принцу в его собственном теле.

Цзи Яньсин невольно вздохнул с облегчением. Этот парень, Цзи Яо, сам того не ведая, спас множество душ. А зная его несносный характер, тот наверняка сейчас мысленно ставит себе памятник за великие заслуги перед человечеством и подсчитывает плюсы к карме.

— Син-гэ, ты чего улыбаешься? — удивлённо спросил Фу Ян.

— Ничего, — отозвался тот.

Неужели он улыбнулся? Цзи Яньсин тут же напустил на себя суровый вид и вернулся к тексту.

— Цзяо-цзяо! — Цзин Ин, только что покинувшая гримёрку, сама направилась к нему с приветливой улыбкой.

Фу Ян искоса глянул на друга. Ну надо же, до чего смазливая мордашка у этого Цзяо-цзяо — даже капризная прима киноиндустрии тает при одном взгляде на него. Красота — страшная сила, ничего не скажешь.

— Учитель Цзин, — вежливо отозвался Фу Ян, поспешно поднимаясь с кресла. Он легонько потянул за собой Цзи Яньсина, вынуждая того встать.

— Учитель Цзин, — сухо поздоровался император.

Они пересекались лишь однажды, и тогда эта барышня показалась ему на редкость дерзкой и прямолинейной.

— Ого, а откуда такой холодный вид? — Цзин Ин весело рассмеялась, разглядывая его. — Всего пару дней не виделись, а милый мальчик вдруг превратился в сурового бунтаря. Неужели съёмки так давят? Да ладно тебе, расслабься. Зови меня просто сестрой Ин. Я дама без пафоса, кусаться не стану.

— Договорились, сестра Ин! — обаятельно улыбнулся Фу Ян, мгновенно очаровав актрису.

— Какие вы лапочки, — умилилась Цзин Ин. — Большое будущее вас ждёт, мальчики. Ну что, поработаем на славу?

— Конечно, сестра Ин, — бесстрастно кивнул Цзи Яньсин, сохранив на лице выражение абсолютной невозмутимости. Настоящий ледяной принц, ни дать ни взять.

— Ладно, мне пора на площадку, скоро мотор, — подмигнула она.

В этот момент к ним подбежала её запыхавшаяся ассистентка Доу-доу с целой охапкой стаканчиков на подставке:

— Сестра Ин, вот ваш заказ!

Актриса забрала два стакана и протянула парням:

— Держите. С утра пораньше крепкий кофе — самое то, чтобы проснуться.

Парни поблагодарили её и приняли угощение.

Цзи Яньсин уже пробовал этот странный напиток однажды. Тогда тот показался ему горьковатым, но вполне сносным, с приятной сладкой нотой. Но в этот раз ему достался классический вариант без сахара. Едва сделав первый глоток, император чуть не выплюнул чёрную жижу обратно. Лишь безупречное придворное воспитание и железное самообладание заставили его проглотить эту невыносимую горечь.

Заметив, как товарища перекосило, Фу Ян весело хмыкнул и отхлебнул из своего стакана:

— Что, гадость несусветная? Цзяо-цзяо обычно страдает той же ерундой. Терпеть не может эту бурду, но упорно заказывает, требуя залить туда тройную порцию сиропа. Утверждает, будто без этого его мозг отказывается функционировать.

"Так вот почему он всегда требовал двойную порцию сахара..." — осенило Цзи Яньсина.

Жидкость действительно оказалась невыносимо горькой, мало чем отличаясь от целебных отваров имперских лекарей, которыми его пичкали в детстве.

Император никогда не жаловал сладости, но горечь презирал ещё сильнее. Внезапно он поймал себя на мысли, что тот приторный кофе, которым его угостил Цзи Яо в первый день, был весьма недурственным. Или, вернее... всё, что нравилось этому взбалмошному парню, имело свой особый, странный шарм.

— Ладно, Син-гэ, там уже массовку строят, я побежал на исходную, — заговорщически прошептал Фу Ян. — А ты пока повторяй роль.

Цзи Яньсин молча кивнул. Послевкусие отвратительного чёрного напитка напрочь отбило всякое желание вчитываться в сценарий — строчки плыли перед глазами. К счастью, свои реплики он успел выучить назубок ещё накануне.

Поднявшись со складного стула, он решил прогуляться по павильону в поисках места, где не так сильно пахло лаком для волос и дешёвым пластиком.

На площадке царила рабочая суеда, но стоило раздаться команде режиссёра, как толпа замирала. Профессионалы своего дела, киношники умели становиться беззвучными теньями, не выдавая лишних эмоций.

Цзи Яньсин, чья очередь должна была вот-вот подойти, остался стоять у края декораций, внимательно наблюдая за процессом.

Надо отдать должное этой женщине: как выражались местные, Цзин Ин свою славу отработывала сполна. Каждый жест, мимолётная улыбка, вспышка гнева — всё выглядело

пугающе достоверно, без тени фальши или наигранности. Она заставляла зрителя безоговорочно поверить в реальность своей героини. Правда, сам Цзи Яньсин при всём желании не мог вообразить подобную женщину на троне рядом с собой. Слишком экспрессивна, слишком независима. Впрочем, его личные вкусы никого не волновали — главное, чтобы в это поверила публика.

Цзи Яо как-то обмолвился, что мечтает получить заветную статуэтку «Оскар». Пока что эта цель казалась призрачной и далёкой, но...

Для самого императора эта картина стала делом государственной важности. Допустить провал он не мог — по уровню ответственности эти съёмки стояли для него в одном ряду с подготовкой масштабного военного смотра.

"Интересно, каким он вернётся в следующий раз?" — невольно подумал Цзи Яньсин, представляя лицо своего невольного двойника.

— Стоп! Снято! — зычный голос режиссёра прервал его размышления. — Цзин Ин — отдыхать. Следующая сцена: Цзи Яо и Чу Янь. Приготовиться к перестановке света!

Цзи Яньсин мысленно стряхнул оцепенение и направился в глубь декораций.

Снимали сцену в тронном зале. Потолки бутафорского дворца уходили высоко вверх, создавая полумрак, из-за чего прямо над головой Цзи Яньсина на массивных металлических тросах закрепили два тяжелых прожектора.

— Если бы не контракт, я бы в жизни не согласился делить с тобой один кадр, — процедил Чу Янь, проходя мимо.

Этот тип вечно задира нос так высоко, словно вокруг него копошились назойливые букашки. К Цзи Яо он питал особенно нежные чувства, не упуская возможности продемонстрировать своё презрение.

Цзи Яньсин даже бровью не повёл. Будь они в Государстве Ци, этот наглец уже давно лишился бы языка, а то и головы. Император посмотрел с ледяным пренебрежением.

— Внимание, приготовились! Мотор! Начали!

— Седьмой брат, сколько раз я просил тебя не лезть на рожон ко Второму принцу? — с напускной укоризной произнёс Чу Янь, входя в образ Пятого принца, Цзи Ина. — Ничему тебя жизнь не учит.

— Стоп! Снято! Халтура! — взревел в мегафон режиссёр Чжоу. — Чу Янь, твой герой, Цзи Ин — ветреный гуляка, лёгкий на подъём! А у тебя во взгляде что? Седьмой принц — твой

единокровный брат, а не кровный враг, укравший твою невесту! Почему ты так зол?

С Седьмым принцем Чу Янь действительно не враждовал. А вот к Цзи Яо испытывал самую настоящую, жгучую ненависть.

Режиссёр Чжоу выражения не выбирал и щадить чужое самолюбие не собирался:

— Либо ты работаешь профессионально, либо забираешь свои вещи и катишься на все четыре стороны! Терпеть твои капризы на площадке я не намерен!

В гневе Чжоу Чжэнцзун был страшен, и авторитетов для него не существовало.

— Да, режиссёр Чжоу, виноват, — сквозь зубы процедил Чу Янь, багровея от унижения.

— Пять минут перерыв! Остыньте и начнём заново! — скомандовал режиссёр.

Цзи Яньсин развернулся, намереваясь отойти в сторону, но Чу Янь коршуном взвился перед ним, преграждая путь:

— Стоять! Ты куда намылился?

И в то же мгновение в сознании императора, подобно удару грома, отозвался отчаянный, до боли знакомый крик:

"Цзи Яньсин, берегись! Сверху!"

Тело среагировало быстрее разума. Повинуясь древним боевым инстинктам, император резко отпрянул в сторону. И надо же было случиться такому совпадению: то ли боги хранили Цзи Яньсина, то ли злой рок настиг его оппонента... Металлическая конструкция, державшая тяжёлый прожектор, со скрежетом лопнула. Огромная лампа рухнула вниз, всей своей массой придавив Чу Яня к полу.

Площадка тут же взорвалась криками. Десятки людей бросились к месту крушения, расталкивая декорации. Режиссёр Чжоу бледнел на глазах — подобного ЧП на его памяти ещё не случалось. Впрочем, в шоке пребывали абсолютно все.

Судя по неестественному углу вывернутого плеча, Чу Янь при падении сломал ключицу. Павильон огласился его истошными, полными боли воплями.

Цзи Яньсин равнодушно наблюдал за суматохой. Жалеть этого ничтожного глупца он не собирался. Здесь, в мирном современном мире, пакости Чу Яня ограничивались мелкими

интригами, но окажись они в Государстве Ци — этот червь без колебаний пустил бы в ход яд или наёмных убийц. Милосердие — роскошь, которую нужно проявлять избирательно. То, что император не стал добивать раненого врага, уже можно было считать верхом великодушия.

Впрочем, если сам император хранил величественное молчание, кое-кто другой сдерживать эмоции не собирался.

— Ну и эпичный полёт, — с наигранным сочувствием покачал головой Фу Ян, бесцеремонно разглядывая стонущего бедолагу. — Думаю, этот многострадальный господин покинет наш дружный коллектив на неопределённый срок. Туда ему и дорога.

— Цзяо-цзяо! Господи, ты цел?! — к нему, задыхаясь от бега, подскочила побледневшая Ань Жань.

Бедная Ань Жань отлучилась буквально на минуту, а вернувшись, застала филиал ада. Случись что с Цзи Яо, грозная Хун-цзе содрала бы с помощника три шкуры без анестезии.

Цзи Яньсин лишь молча качнул головой, подтверждая, что не пострадал.

— Кошмар... — запричитала Ань Жань, кусая губы. — Этот ублюдок теперь точно воспользуется случаем и раструбит во всех СМИ, что это ты его толкнул под падающий софит!

Цзи Яньсин спокойно указал рукой на неприметную купольную камеру под потолком:

— Прекрати панику. Иди к охране и потребуй копию записи. Свидетели подтвердят, что он первый преградил мне дорогу и схватил за одежду. К тому же, здесь всё фиксируется на плёнку.

Видеозапись — абсолютный аргумент в этом мире. Осознав это, Ань Жань рванула с места со скоростью ошпаренного зайца, опасаясь, как бы агенты Чу Яня не подсустились и не стёрли компрометирующие кадры.

Сам император ничуть не тревожился из-за грядущих разборок. Его разум занимал совершенно иной вопрос. Тот отчаянный крик в его голове... Он готов был поклясться, что это был голос Цзи Яо. Но как такое возможно? Связь сквозь пространство и время? Или у него просто начались слуховые галлюцинации на почве переутомления?

— Син-гэ, ты кого-то высматриваешь? — вывел его из раздумий голос вернувшегося Фу Яна.

— Нет, — коротко бросил Цзи Яньсин.

Наверное, и впрямь слышалось.

Государство Ци

Дипломатические дразги временно утихли, и у Цзи Яо наконец выдался свободный день. Прихватив верного Дэбао, он отправился изучать столичные улицы. В этот момент актёр чувствовал себя без пяти минут святым: ради того чтобы не разрушить неземной образ Седьмого принца — эдакого небожителя, питающегося исключительно утренней росой и святым духом, — он героически шёл мимо лотков с исходящей паром уличной едой, даже не облизнувшись. К тому же на поясе жутко мешался тяжёлый имперский клинок. «И надо же было выдумать такое идиотское амплуа!» — мысленно проклинал Цзи Яо скрытного императора.

Видимо, принц смотрел на очередного продавца жареных каштанов с такой очевидной тоской. Шедший на полшага позади слуга негромко поинтересовался:

— Ваше Высочество, неужели вы не голодны?

«Ещё как голоден! Помираю просто!» — взвыл про себя Цзи Яо.

— Идём, — решительно скомандовал он вслух. — Время устроить пир на весь мир.

— Чего-с?... — захлопал глазами Дэбао, не признав диковинного словечка.

Дэбао давно был посвящён в тайну подмены душ, так что на безлюдных улочках Цзи Яо мог не утруждать себя вычурным придворным слогом.

— Обедать, говорю, пора. Вот только где и чем?

Извечный экзистенциальный вопрос любого человека: что сегодня на обед? В этот миг Цзи Яо до боли в сердце затосковал по родному Пекину. Вот бы сейчас тарелочку огненного малатана из забегаловки за общежитием академии, острую закуску на шпажках, стакан сладкого бабл-ти и порцию горячих такояки...

— Напротив Павильона Восьми Направлений есть Башня Процветающей Добродетели, — робко подсказал евнух. — У Вашего Высочества там имеется постоянный отдельный кабинет на втором этаже. Там всегда тихо и благопристойно.

Цзи Яо задорно прищурился:

— Решено. Туда и держим путь!

Башня Прцветающей Добродетели считалась излюбленным местом отдыха столичного бомонда. Появление здесь Седьмого принца никого не удивило, а расторопный трактирщик тут же расплылся в подобострастной улыбке и лично препроводил почтенного гостя наверх. Поднявшись в уединённый кабинет, Цзи Яо вальяжно расположился на мягких подушках и кивком велел Дэбао сделать заказ на свой вкус.

— Ого, а у соседей-то жизнь кипит, — хмыкнул Цзи Яо, приоткрывая резную оконную створку.

Окна кабинета выходили прямиком на оживлённый внутренний двор Павильона Восьми Направлений, откуда доносился гул множества голосов. Разобрать, о чём судачат внизу, не составляло никакого труда.

— Ну и взлетел же наш Седьмой принц к самым небесам! Прямо-таки птица феникс! — донёсся снизу зычный голос какого-то гуляки.

И то верно. После вчерашнего триумфального военного смотра Цзи Яо проснулся знаменитостью вселенского масштаба. Даже во время сегодняшней прогулки он то и дело ловил на себе восторженные взгляды местных юношей и томные вздохи благородных девиц.

Ирония судьбы: в современном Китае его аудиторию составляли преимущественно заботливые фанатки зрелого возраста, величавшие его «сыночком», зато в суровом древнем государстве Ци он в одночасье превратился в главного секс-символа империи. Не будь на Цзи Яньсине жуткого клейма «проклятого мужа», уморившего нескольких невест, сваты бы уже разнесли ворота его резиденции в щепки.

Впрочем, отрицать очевидное глупо: когда Цзи Яо напускал на себя царственную строгость и безупречно отыгрывал роль холодного принца, его благородный лик производил на окружающих неизгладимое впечатление.

— Вчерашний смотр войск — это же чистый триумф! Неудивительно, что Его Величество теперь души не чает в Седьмом принце, — вещал другой голос.

— Да уж, судя по всему, Седьмой принц одарён не только умом, но и воинской доблестью. Истинный наследник величия Того Самого... — Оратор благоразумно осёкся, но все за столиками понимающе закивали. Всем и без имён было ясно, что речь идёт о покойном Явленном родоначальнике Ци.

— Помяните моё слово, стоит чужеземным послам покинуть столицу, как государь осыплет Седьмого принца неслыханными милостями и титулами!

— Да что там титулы! Я слышал, кое-кто из министерских мужей уже спит и видит, как бы пристроить своего младшего сына в его резиденцию. Кое-кто готов даже единственного наследника отдать, лишь бы породниться!

Павильон Восьми Направлений только на бумаге именовался обителью утончённых литераторов и философов, на деле же являясь обычным змеиным гнездом, где столичная интеллигенция собиралась перемыть кости сильным мира сего.

«Ишь, всезнайки выискались, — усмехнулся про себя Цзи Яо. — До чего же изворотливый народ. Жён, значит, губит? Не беда, отдадим ему сыновей! Политический союз в чистом виде — лишь бы присосаться к будущему фавориту престола».

Ещё на рассвете доверенные слуги доложили, что по столице поползли странные слухи. Примечательно, что Седьмого принца никто не чернил — напротив, его превозносили до небес, приписывая чуть ли не божественные добродетели. Да так усердно, что теперь каждый обыватель в империи смотрел на него сквозь толстенные розовые очки.

Цзи Яо, будучи опытным актёром, прекрасно понимал законы пиара: слишком высокая популярность неизбежно порождает зависть и страх конкурентов. Теперь он стал идеальной мишенью, и удара стоило ждать со всех сторон одновременно.

Поначалу у него промелькнула мысль залечь на дно и переждать бурю. Однако политическая арена — не съёмочная площадка, спрятаться в гримёрке здесь не получится.

В голове всплыло лаконичное напутствие Цзи Яньсина: "Если не видишь безупречного решения — сохраняй невозмутимость и жди, пока враг сделает первый шаг".

Именно поэтому он сегодня демонстративно, среди бела дня, отправился гулять по многолюдным улицам вместе с Дэбао. Пусть недоброжелатели прячутся по щелям — он примет вызов открыто. Конечно, неоправданно рисковать собственной шкурой Цзи Яо не собирался: в тених переулков бесшумно скользили лучшие телохранители императора, готовые перехватить любой летящий в спину клинок.

Он прекрасно понимал, что желающих отправить Седьмого принца (а точнее, его самого) к праотцам предостаточно. Вот только совершить покушение сейчас, на пике всенародной любви, для заговорщиков было равносильно политическому самоубийству. Риск слишком велик.

Плотно пообедав, Цзи Яо внезапно оживился:

— А пойдём-ка нанесём визит в поместье генерала Фу.

— К молодому генералу? — вздрогнул Дэбао. — Но Ваше Высочество, он ведь... он же всюю подозревает, что с вами что-то не так!

— Ерунда, не переживай, — небрежно отмахнулся актёр. — Захоти этот малый выкинуть какую-нибудь глупость, он бы ещё вчера во время просмотра нас выдал.

Евнух по-прежнему выглядел встревоженным. Цзи Яо дружески похлопал его по плечу, призывая успокоиться. Не бегать же ему от этого мальчишки всю оставшуюся жизнь? В конце концов, это просто несолидно.

— Любезный, расчёт! — крикнул он трактирщику и, ткнув пальцем в свиток меню, добавил: — И вот эти три блюда заверни с собой.

— Ваше Высочество, неужели не наелись? — удивился Дэбао.

— Это тебе, глупый, — улыбнулся Цзи Яо. — Знаю ведь, что при мне ты кусок в горло не пропихнёшь из-за своего дурацкого этикета. А блюда знатные, я попробовал — пальчики оближешь.

Сердце слуги затопила волна искренней, преданной благодарности.

Стоило им переступить порог заведения, как синее небо мгновенно затянуло свинцовыми тучами, и на город обрушился плотный холодный ливень. Улица вмиг опустела — прохожие с криками разбегались под навесы лавок. Лишь Цзи Яо застыл посреди дороги, словно громом поражённый.

Перед его внутренним взором яркой вспышкой возникла чужая, невероятная картина: бутафорский тронный зал, слепящие лучи огромных прожекторов, а в самом центре стоит он сам... Нет, не он — Цзи Яньсин! И прямо над его головой со страшным скрежетом лопается стальное крепление!

— Цзи Яньсин, берегись! Сверху! — истошно закричал Цзи Яо в пустоту.

В ту же секунду силы мгновенно покинули его тело, словно кто-то выдернул невидимую пробку. Колени подкосились, и он тяжело рухнул на мокрую брусчатку, едва успев выставить руку.

— Ваше Высочество! Повелитель, что с вами?! — в панике закричал Дэбао, бросаясь к нему. Евнух не на шутку перепугался: только что всё было в порядке, и вдруг принц падает без чувств прямо в грязь под проливным дождём!

Цзи Яо лишь слабо мотнул головой. Видение растаяло так же внезапно, как и появилось, оставив после себя лишь звенящую пустоту в голове и полное физическое истощение. Пустынная улица, заливаемая дождём, плыла перед глазами. Телохранители в переулках наверняка замерли в нерешительности, но без прямого приказа показаться не смели.

Похоже, Дэбао не расслышал его отчаянного выкрика из-за шума дождя — для него принц просто внезапно рухнул на колени без видимых причин. Цзи Яо сделал глубокий вдох и опёрся на плечо слуги, позволяя поставить себя на ноги. В теле царила такая слабость, словно он

только что пробежал марафон.

Цзи Яо до конца не верил собственным глазам. Действительно ли это был Цзи Яньсин? В памяти чётко запечатлелся лишь финальный аккорд видения: в тот самый миг, когда он закричал, чья-то фигура заслонила императора от страшного удара.

«Хоть бы обошлось... — он заволновался. — Хоть бы с ним всё было в порядке. Пусть это окажется просто дурацким наваждением».

<http://bllate.org/book/20677/2189731>